

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОНАШЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СВЕТЕ АФОНСКИХ ТРАДИЦИЙ:
ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО
Екатеринбург, 27–29 мая 2016 года

АРХИМАНДРИТ ИЛИЯ,
духовник монастыря Преображения Господня
в Террасоне, Франция

**Методы духовного воспитания и средства созидания души монаха:
значение индивидуального подхода, грань между снисхождением
и строгостью, сочетание свободы и подчинения**

Прежде чем говорить о методах духовного воспитания монахов, уясним, какова цель монашеской жизни, так как методы полностью зависят от цели.

«Если вы воскресли со Христом, — говорит апостол Павел, — то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге»¹. И вот в чем суть монашеского призвания: всю свою волю направлять к тому, чтобы привести в действие и развить в себе благодать крещения, то есть научиться жить во Христе, о чем и говорит апостол Павел. Через аскетические подвиги, через послушание, свободное отсечение своей воли, борьбу с помыслами монах вступает на тот же путь, каким шел Сам Христос. Он вступает в тот же подвиг и ту же брань, какая была у Господа с дьяволом. Дьявол искушал Христа с тех пор, как Господь удалился в Иерихонскую пустыню, и вплоть до Гефсиманского сада и Креста. И монах, следуя во всем за Господом, борется против греха вместе со Христом, от Господа получает силу и решимость преодолевать козни лукавого, и вместе со Христом торжествует победу, во всякий момент предпочитая волю Бога-Отца своей человеческой воле. Итак, монашеская жизнь есть «постоянное понуждение своего естества». И отрекаясь от себя, монах тем самым дает возможность Христу войти в него и действовать в нем, как молился об этом Господь: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне»².

Монахи следуют призыву апостола Павла, который побуждает нас отдать всю свою жизнь Христу: «Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего»³. И поскольку этот подвиг,

¹ Кол. 3, 1–3.

² Ин. 17, 24.

³ Рим. 12, 1.

принесение всей своей жизни в жертву Господу, – весьма труден, то эти слова апостола Павла обязывают духовных отцов, игуменов, поддерживать, наставлять и вдохновлять в этом подвиге проходящих монашеское жительство.

И цель «воспитания монаха» всегда была одна: помочь ему прийти к покаянию, в первую очередь через «познание себя» и стяжание смирения, которое достигается благодаря полному самоотречению и отсечению своей воли в послушании.

Послушание – это главное, благодаря чему монах обретает жизнь в Боге. И потому монашеское послушание — это не рабство, но путь к подлинной внутренней свободе, противоположной любым узам. В глазах мира это кажется парадоксальным, но это так и есть. Рассмотрим кратко, почему.

Греческое слово «ὕπακοή», «послушание», образовано от слова «слушать» и приставки «под». «Слушаться» значит слушать слово начальствующего и свободно покоряться ему. А «по-слушаться» значит воспринять сказанное тебе слово всей душой, проникнуть в него своим умом и волей, согласиться с ним в сердце. Если мы признаём, что слово или какое-либо установление, исходящие от человека, в действительности исходят от Бога, то мы свободно отдаем, посвящаем свою волю воле чужой, поскольку считаем эту волю выше своей собственной. Такова истинная свобода – с радостью, любовью подчиняться воле Божией. И именно в этом духе свободы духовные отцы воспитывают монахов, предавшихся им в послушание. Духовники со смирением принимают этот добровольный дар своих учеников. Что же касается самих учеников, то именно в первые годы своей монашеской жизни они могут научиться свободному послушанию. С самого начала монах призван слушаться в духе свободы, а не принуждения. Свободное послушание означает не то, что ты можешь отказаться исполнить повеленное тебе, а то, что ты всем своим существом усваиваешь мысль, направление, видение вещей, которое тебе предлагает духовный отец – потому что ты сам избрал его как человека, открывающего тебе Бога.

Какова при этом роль духовного отца? Каким образом он может помочь монаху соединиться со Христом? Каковы основные **принципы духовного отцовства**? Монах вверяет наставнику всю свою жизнь. Из этого следует, что обязанности духовного отца, обучающего послушников монашескому жительству, весьма разнообразны. Духовный отец должен с неусыпным вниманием наблюдать за всей жизнью монахов, особенно новоначальных, конечно, не том смысле, чтобы быть чрезмерно требовательным к ним, а относиться к ним именно по-отечески, с заботой и вниманием.

Главное, чему учит игумен и к чему постоянно побуждает монахов, как только что вступивших на монашеский путь, так и тех, кто уже преуспел на этом пути, – чтобы они непрестанно, во всех своих поступках

устремлялись к **смиренному следованию за Христом**. Монахи учатся иметь «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе», то же смиренное мудрование, которое описал апостол Павел во второй главе Послания к филиппийцам⁴. Как Иисус Христос умалил, уничижил Себя, так и монаху, желающему уподобиться Христу, нужно умаливать себя.

Духовный отец побуждает доверившихся ему монахов с радостью и свободой **отречься от своей воли** – чтобы через это они освобождались от своего «я», научались видеть свои страсти и вели решительную борьбу с ними до последнего издыхания. Он также заботится о том, чтобы обучить монахов **посильным подвигам, откровению помыслов, общежительной жизни**, а также общей и личной **молитве**.

В обучении послушников монашескому жительству духовный наставник пользуется определенными «орудиями» и средствами, которые, однако, не являются одинаково применимыми для всех. Духовный отец, наставник непременно должен искать, как применить эти средства для каждого монаха отдельно, в соответствии с его характером, историей жизни, развитием, происхождением, способностями и глубинными устремлениями. Изречения отцов-подвижников изобилуют примерами гибкого рассуждения духовных отцов в зависимости от того, кто к ним обращался.

Очень важным является само **отношение игумена к духовному воспитанию монахов**. Всем присутствующим здесь без сомнения ясно, что игумен, духовный отец монашеской общины — это не просто учитель, который объясняет смысл монашеской жизни или Священного Писания, учение Церкви или аскетическое предание. Это и не просто советник, мнение которого мы можем учитывать. Это и не просто совершитель исповеди, который занимается исключительно разрешением нравственных или психологических трудностей... Игумен – это действительно отец, подлинный отец, потому что он рождает своего ученика в новую жизнь. Он рождает его – и однажды монах в идеале должен стать самостоятельным, не потому что освободится от духовного отца, но потому что усвоит искусство монашеского жительства. Это, как мы знаем, может занять многие годы и даже всю жизнь.

Можно возразить, что Сам Иисус Христос говорил нам: «Отцом не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах»⁵. Однако даже святые отцы не стыдились называть своего авву отцом, потому что они сознавали: тот, кто наставляет их, реально и таинственно участвует в небесном отцовстве. В этом же смысле апостол Павел потцовски обращался к христианам, которых окормлял: «дети мои». Он сознавал, что они Божьи дети, но что для них он все равно отец – отец,

⁴ См. Флп. 2, 5–8.

⁵ Мф. 23, 9.

которому Богом выдана «доверенность» на отцовство, если можно так выразиться.

Для того чтобы игумену исполнять свое предназначение, то есть быть отцом для братства, ему необходимо окормлять своих духовных детей: проводить общие беседы со всем братьями (а игуменнии как духовной матери – со всеми сестрами) и по необходимости принимать их для личной беседы. А для этого игумен, насколько это возможно, должен быть свободным от административных забот – только тогда он сможет посвятить себя попечению о душах, вверенных ему Богом.

Теперь скажем несколько слов о **правильном отношении монаха к игумену** — без сомнения, это одно из главных условий для преуспевания инока в духовной жизни.

В наше время мы часто жалуемся на то, как трудно найти духовного отца. Но, по-моему, сегодня нужно говорить не о том, что мало духовных отцов, а скорее, о том, как мало в современном мире подлинных духовных чад. Все мы любим просить совета у духовных наставников, но редко кто слушается их в простоте, во всем и всегда.

Для того чтобы слушаться духовного отца, вовсе необязательно, чтобы он был сверходаренным человеком, каким-то сверхчеловеком, держащим в своих руках жизнь других людей. Духовный отец — это смиренный ученик Спасителя, это человек, который боролся со своими страстями, боролся с демонами, сходил в глубины своего сердца, чтобы научиться различать голос Святого Духа. «Дай кровь и прими дух», как поучал авва Лонгин. И только если ученик оказывает своему наставнику полное доверие, тот может духовно созидать свое чадо.

В чине пострига игумен говорит постригаемому перед ангелами, перед людьми, перед братией или сестринством и перед Богом: «Ниже мни, яко в мимошедшем времени здешнего пребывания довольно подвизался еси к невидимым силам вражиим: но веждь, яко наипаче отныне примут тя множайшии подвижи к бранем его». То есть: знай, что отныне твоя брань с демонами будет более ожесточенной, чем прежде. Но при этом дьявол будет совершенно лишен силы против тебя, если ты будешь защищен прочным доверием и любовью к твоему духовному руководителю, если будешь готов к полному послушанию и смирению. Как говорится далее в чине пострига: «Никакоже убо [дьявол] тя победити возможет огражденна тя обрет, к наставляющему тя верою крепкою, и любовию, и ко всякому послушанию и смирению правотою».

Очень важно, чтобы духовный отец умел донести до монахов, предавших себя его руководству, насколько велика сила благословения, которую может дать человек Божий своим ученикам. Вспомним, как когда-то пророк Илия передал Елисею вдвойне тот дух, который был в нем⁶.

⁶ См. 4 Царств 2, 8–15.

Теперь хотелось бы сказать подробнее о конкретных методах воспитания, без которых невозможно осуществлять духовное руководство.

Духовный отец должен научить монахов **откровению помыслов**. Мы часто неправильно понимаем, что именно нужно открывать на исповеди помыслов. На самом деле, открывать нужно не только грехи, в которых каешься в таинстве исповеди, но и свои сокровенные помыслы, то есть глубинные склонности, мнения и внутренние влечения. В Евергетине мы читаем: «Если тебя беспокоят гнусные помыслы, не скрывай их, но немедленно расскажи их своему духовному отцу. Чем больше будешь скрывать помыслы, тем больше они будут умножаться и крепнуть. Как змея, выманенная из своей норы, тут же убегает, так и скверный помысел, лишь только будет открыт, исчезает. И как червь точит древесину, так и сокрытый скверный помысел губит сердце. Тот, кто открывает свои помыслы, быстро исцеляется. Тот, кто их скрывает, развивает в себе недуг гордости». Еще святой Антоний Великий советовал: «Если возможно, монаху подобает совещаться со старцем о каждом шаге, который он делает, о каждой капле воды, которую он выпивает в своей келье, чтобы быть уверенным, что он не совершает ошибки».

Разумеется, это наставление следует применять в меру, чтобы не впасть в излишнюю щепетильность, формализм или мнительность: ни наставник, ни духовный сын или дочь не должны впадать в мелочность. Очевидно, что в общежительном монастыре невозможно отчитываться за каждый свой шаг или каждый глоток воды, иначе духовные наставники станут еще более загруженными, чем сейчас, и смогут окормлять совсем малое число послушников. Это вопрос здравого смысла. Цель наставления преподобного Антония — показать, что вся жизнь монаха должна быть отдана на рассуждение духовного наставника и в послушание ему.

Откровение помыслов — важнейший этап в формировании монаха, оно помогает ему познать самого себя, приводит его к смирению, постепенно научает его духовному рассуждению, при том условии, если монах смотрит на своего духовного отца как на образец для себя и следует его советам. Откровение помыслов наставнику настолько важно, что Устав константинопольского монастыря Богоматери Эвергетидской предписывал: «Тот, кто не исповедует своих помыслов, по правилам должен быть изгнан из обители, но мы снисходим к нему в надежде на его исправление. А пока да воздержится от причастия».

В то время как для учеников необходимейшая добродетель — это откровение своих сердечных помыслов духовному наставнику, для последнего одной из самых важных добродетелей в его служении является **рассуждение**. Духовный отец должен при содействии Святого Духа наставлять монахов рассудительно. Цель монашеского воспитания — не в том, чтобы просто заставить монаха или монахиню внешне соблюдать традиционные монашеские правила или обычаи, а в том, чтобы постепенно

привести их к тому, чтобы они жили по образу и подобию Христа, чтобы в них вообразился Христос; а также научить их жить в согласии и единстве с ближними. Таким образом, духовный отец должен наблюдать именно за внутренним преуспеянием и самоотвержением тех, кто ему доверился. Сердечное повиновение духовному отцу, через которого монаху открывается Бог; повиновение, соединенное с полным отречением от своей воли, — вот что должен воспитать рассудительный наставник в монахе. Именно через внутреннее делание в иноке формируется, по слову апостола Петра, «сокровенный сердца человек»⁷, то есть внутренний человек. И тогда монах научается подлинной свободе, состоящей в избавлении от страстей и в забвении своего «я».

Среди методов духовного созидания монахов и монахинь также очень важное место занимает **чтение**, которое святые отцы называют духовной пищей. Так, чтение Священного Писания, особенно псалмов, является неиссякаемым источником обучения духовной жизни. К этому источнику постоянно обращался Сам Господь Иисус Христос, как это видно из Евангелия. Священное Писание наглядно показывает нам все состояния нашей души и даёт нам внутренние ориентиры. Мы находим в нем все этапы нашего духовного развития: осознание своего греховного состояния, затем покаяние, сокрушение, борьба с унынием, перенесение страданий и искушений, в том числе и от ближних, и, наконец, созерцание Бога и благодатное соединение с Ним.

Ежедневное чтение синаксаря, то есть житий празднуемых святых, также очень помогает в духовной жизни, потому что через это чтение нам передается ревность святых, их горячее стремление жертвовать собой ради Бога и своих братьев.

Наконец, бесценное руководство в подвижнической жизни дают нам аскетические творения святых отцов: прп. Макария Египетского, прп. Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Варсануфия и Иоанна Газских и так далее. Как греческая, так и русская аскетическая литература необычайно богата.

Кроме того, как мы уже сказали, незаменимым орудием духовного руководства является живое слово игумена, в том числе **общие беседы**, которые он проводит со всем братством. Беседы — это не только замечательное средство для духовного созидания монахов. Они также содействуют единению и укреплению всей общины. Братья или сестры собираются вокруг своего духовного отца или духовной матери, которые в наставлениях передают им то, чему сами опытно научились в духовной жизни. Во время таких бесед, даже самых простых по содержанию, совершается таинство общения братьев во Христе. Беседа — это, можно сказать, церковное собрание. Там, как и на Божественной литургии, братья

⁷ 1 Пт 3, 4.

и сестры на деле являют, что они живут подобно апостолам. Они уподобляются ученикам Христовым, которые собирались, чтобы слушать слово Спасителя и задавать Ему свои вопросы.

Духовное созидание монаха совершается также во время общей молитвы, то есть богослужения, в особенности во время **литургии**. Примеры из житий святых побуждают нас подражать им, но к более тесному общению с ними приводит нас именно литургия. Именно во время нее святые передают нам свой опыт и свое горячее искание Христа. Они научают нас терпению в испытаниях и сердечному покаянию. Вот почему необходимо заботиться о том, чтобы проникаться литургией. Благодаря ей монах уже здесь испытывает то состояние, которое люди будут переживать в Царстве Небесном. Монах — существо литургическое, не только потому, что он обязан присутствовать на богослужении, но и потому, что сама его жизнь — литургия. Благодаря подвижническому духу и самоотречению, каждое его дело является жертвой Богу, которую он приносит на престоле своего сердца. А через непрестанную молитву он всякий миг предстоит пред лицом Божиим, принимая от Него свет и жизнь и ходатайствуя за весь мир.

Литургия есть таинство, но она же есть способ созидания души монаха, поэтому она должна быть живой и незатянутой. Раньше, когда монахи были малообразованны, они должны были для научения слову Божию посещать богослужебные собрания, многочисленные и подчас непомерно продолжительные. Сейчас, когда все монахи грамотные, им, помимо литургии и других богослужений, важно посвящать часть своего времени келейному чтению и молитве. За исключением особых случаев, не желательно слишком умножать разнообразные службы, акафисты, молебны и т. п. Чрезмерное их количество ломает духовную жизнь монахов и в итоге делает их рабами изнуряющего обряда в ущерб гармоничному духовному развитию, а значит и в ущерб их личной связи с Богом и братьями во Христе. Помнится, я как-то посещал один монастырь, где монахи были вот так подчинены нескончаемым ежедневным богослужениям, и вдобавок каждый из них должен был прочитывать во время них впечатляющие горы помянников и записок. Это чтение занимало все время богослужения. Физически монахи присутствовали на службе, но они лишь поминали имена людей, заказавших требы. И в результате монахи не могли вкусить Божественной службы. Кстати, многие из этих монахов, не выдержав, покинули обитель и ушли в мир, или в лучшем случае нашли прибежище в других монастырях.

И в особенности мне хочется подчеркнуть значение для правильной монашеской жизни **личной молитвы**. Я намеренно причисляю личную молитву к средствам духовного созидания монаха. Конечно, молитва, по своей природе, — это не воспитательное средство, как, например, беседы или чтение. Молитва — это время напряженного общения с Богом и со

всеми членами Его тела, то есть нашими ближними во Христе. Однако, если духовный отец заботится об исполнении монахами посильного молитвенного правила, то этим он помогает им заложить прочный фундамент всей их монашеской жизни. Он заботится, чтобы молитвенное правило не превращалось для монаха в набор молитв, прочитанных одна за другой наизусть или по молитвослову, но чтобы правило было подлинной встречей монаха с Богом, в единстве со всей Церковью, в тишине сердца. Монах — это человек молитвы. Не в том смысле, что он произносит множество молитвословий, а в том смысле, что вся его жизнь, всякое его дело — это молитва, приношение Христу. Он сознательно и непрестанно живет Христом, и благодаря этому в нем действительно присутствует Святой Дух. Святой Дух есть наставник монашествующих. Призываемый в молитве, Он влагает в сердце молящегося мысли, чувства, желания, покаяние, стремления, силу и устойчивость, которые содействуют спасению человека, его единению со Христом и членами тела Христова.

Перейду теперь к деликатному вопросу об епитимиях. **Епитимии** — это метод воспитания, к которому прибегает духовный наставник, чтобы помочь ученику в его внутреннем становлении: исполняя епитимии, послушник учится осознавать свои ошибки и исправлять их. Духовный руководитель может проявлять строгость, но он знает, что цель епитимий не в том, чтобы приучить к дисциплине, как в армии. Он налагает епитимии с рассуждением, осторожностью и чувством меры, как любящий отец.

Нужно хорошо понимать, что епитимия — это ни в коем случае не наказание, не кара. Монахи — люди свободные, и они отдают Богу то, что могут и хотят даровать Ему. В том числе и епитимии они исполняют со свободой, из желания приблизиться ко Господу. И когда духовный отец налагает на своих учеников епитимию, то делает это не для того, чтобы их как-то притеснить или покарать, но чтобы уврачевать их, дать им возможность измениться в глубине сердца при содействии благодати Божией. Отец монашеского братства заботится не просто о внешнем соблюдении порядка или дисциплины, но о духовном рождении и развитии каждого из своих духовных чад.

При этом немалое значение имеет то, чтобы братия, как заповедует святой апостол Павел, «носили бремена друг друга»⁸. Многие духовные наставники предпочитали налагать на себя те епитимии, которые они могли бы дать другим. Кроме того, бывает так, что духовный отец налагает епитимию на все братство за ошибку одного его члена. Таким образом, братия духовно поддерживают друг друга. Согрешил один, а покаяние приносят все вместе. Мы все члены тела Христова. Когда согрешает кто-то один, то последствия его ошибки отражаются на всех. И наоборот, общая

⁸ См. Гал. 6, 2.

епитимья, которую несут даже невинные, помогает исправлению согрешившего.

Есть такая история. Некий брат боролся и постился годами, чтобы не поддаться искушению. Когда он пришел и рассказал о своем искушении духовному отцу, последний дал епитимью всему братству, и таким образом брат избавился от искушения. Этот случай свидетельствует о том, какая глубокая взаимосвязь существует между людьми. Эта взаимосвязь присуща нам с момента сотворения. Как последствия греха праотца Адама распространились на все человечество, так и подвиги праведников таинственно содействуют исправлению грешных. Как говорит апостол Павел: «Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла на всех человеков, потому что в нем все согрешили... Если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих»⁹. Именно эта взаимосвязанность людей между собой и со Христом, Который есть глава нашего тела, оправдывает епитимии, которые несут невинные за виноватого.

Для того чтобы правильно понимать смысл епитимий, важно помнить о том, кем является духовный отец для монаха и в каком духе он призван совершать свое служение. Многие духовные отцы, жертвуя собой ради своих духовных чад, таким образом становятся соработниками Христа в деле их спасения. Так, преподобный Пахомий смотрел на свое духовное отцовство как на служение, как на участие в деле Христа, пришедшего служить людям. «Мое дело, — говорил он, — служить другим». Исполняя свои обязанности, он никогда не выказывал своего превосходства над братьями и избегал всякого подчеркивания своего старшинства. «Когда ученики, видя его смирение, стали обращаться с ним с презрением и дерзостью, возражать ему и ругать его, он не отвечал им тем же, но обходился с ними с великим терпением, говоря: „Увидят они меня в смирении и мучении, обратятся к Богу, покаются и убоятся Его“. И поступал он так, следуя словам апостола Павла: „Рабу Господа не должно ссориться, но быть добрым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставляя противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины“¹⁰».

Преподобный Моисей Оптинский в своих писаниях поделился с нами своим **видением** духовного отцовства. 15 декабря 1819 года он написал: «Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно до сожительствующих со мною братьев, чтобы их погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться... Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои».

⁹ Рим. 5, 12 и 15.

¹⁰ См. 2 Тим. 2, 24–25.

Из этих и многих других примеров, которые нет времени здесь приводить, видно, что епитимии, налагаемые на братьев, – вовсе не следствие гневливости или раздражительности духовного отца, а подлинное врачевание. Ради любви к своим духовным чадам отец приносит себя в жертву подобно Христу и вместе со Христом: через полное самоотречение, умаление себя он восходит на крест. Он разделяет с братьями тяжесть их прегрешений и молит Бога о том, чтобы Он простил братьев и возрастил их в жизни по Духу.

Иногда духовный отец для спасения своих чад вынужден применять **строгость**. И важно упомянуть, в каких случаях это необходимо. Святитель Нектарий Эгинский в одном из своих пастырских писем описывает причины, которые вынуждают его быть строгим: «Вы понимаете, почему я написал такое строгое письмо сестре Синклитикии? Я хотел привести ее в чувство, потому что ощутил, что ее сердце охладело ко Христу и какая-то человеческая любовь пустила ростки в ее сердце; любовь, которая могла бы перерасти в страсть, если бы я терпел ее или находил в ней удовольствие. Лукавый, воспользовавшись ее духовной дремотой, начал опутывать ее своими сетями. Этим письмом я хотел вывести ее из заблуждения, обратить ее внимание на ошибку и направить к любви ко Господу... Скажи сестре Синклитикии, что мое сердце охладело к ней до тех пор, пока она влечется к миру, пока я чувствую, что ее сердце удалено от Христа, пока я вижу ее гневливость и надменность, отсутствие смирения и ненависть по отношению к сестрам. Если она хочет, чтобы я любил ее как невесту Христову, пусть сначала постарается полюбить Господа как своего жениха».

Старец Эмилиан также говорил: «Как вы замечали, наверное, я никогда не соглашаюсь с вами, если вижу, что вы чего-то упорно добиваетесь, даже если ваше желание касается чего-то самого святого – потому что всякое настойчивое желание идет вразрез с дыханием Божиим, оказывается противоположным дуновению Духа. Только соединение с Духом, шествие, движение вместе с Ним свидетельствует о том, что мы монахи».

Строгость духовного отца иногда может и должна доходить до крайних пределов. Например, в Уставе монастыря Ормилия тот же старец Эмилиан пишет: «Сестра, принявшая постриг, но ставшая постоянной проблемой и соблазном в сестричестве, после попыток с рассуждением, любовью и правдой исправить ее, с согласия игуменьи, изгоняется как негодный, неизлечимый и загнивающий член, подобный гангрене или инфекционному заболеванию».

Слово наставника порой бывает весьма сурово. В одном изречении, например, описывается, как «брат сказал авве Антонию: помолись обо мне. Но старец сказал ему: ни я, ни Бог не помилует тебя, если сам себя не помилуешь и не благоугодишь Ему, особенно молитвой». Нужно отметить,

что по большей части строгость духовников проявляется в том, что они прямо говорят монахам, чье поведение необходимо исправить, об их заблуждении или духовном недуге.

И редко когда наставники проявляют строгость, несоизмеримую силам учеников или не способствующую их духовному преуспеянию. Крайне редки пожизненные епитимии, будь то поклоны, ограничение в пище, дополнительная молитва, отлучение от причастия. Так же редки епитимии, унижающие монахов или монахинь перед их братьями или сестрами. По крайней мере, такие епитимии должны быть редкими. И строгость, как мы уже говорили, ни в коем случае не должна происходить от гнева духовного отца и быть результатом его властолюбия или чувства превосходства. Такие властные наставники и в самом деле бывают, но они никогда не являются образцом для подражания. Напротив, в них усматривают некий недуг или проявление греховной страсти, которая в виде исключения может служить Божественному промыслу для особого воспитания какого-нибудь незаурядного монаха. Всем нам известен старец Ефрем Катунакский. Удрученный несправедливым, суровым обращением своего старца, он спросил преподобного Иосифа Исихаста, что ему делать. Зная душевные качества обратившегося к нему послушника, старец Иосиф посоветовал ему остаться со своим старцем и слушаться его во всем, сохраняя мир в своем сердце. Отец Ефрем с доверием и терпением послушался, так что в конце концов смягчил сердце своего старца. Когда его старец умирал, он с раскаянием и любовью сказал отцу Ефрему: «Ты ангел». Всё это было особым попусцием Божиим ради созидания души особенного, исключительного человека, каким был отец Ефрем. Тем не менее, поведение его старца вовсе не похвально и никогда не будет служить эталоном для наставников, хотя бы даже мы и нашли много примеров подобного поведения в монастырях.

В истории западного монашества, еще до разделения Церкви, был такой святой Колумбан, выходец из Ирландии. Он создал несколько монастырей на территории нынешней Англии, Франции и Италии, где впоследствии и умер. В этих монастырях практиковались телесные наказания: так, за некоторые прегрешения, например, назначались удары розгами. Однако подобная строгость не прижилась и подобные епитимии уже в ближайшие века отменили. Я процитирую несколько пунктов из Устава святого Колумбана: не для того чтобы оправдать или посоветовать подобную жесткую аскезу, которая, между прочим, соответствовала нравам тогдашних грубых, но физически крепких людей, а просто для сведения. «Того, кто пренебрегает благословением трапезы и не отвечает в конце молитвы “аминь”, полагается исправлять шестью ударами. Также того, кто разговаривает во время трапезы без нужды, полагается исправлять шестью ударами». Кроме ударов розгами Устав в качестве епитимии предписывал строгое воздержание в пище: «Если кто-то оскорбит брата и после этого

попросит у него прощения, а брат его не простит, но отправит к настоятелю, то оскорбленному полагается прочитать двадцать четыре псалма за того, кто его оскорбил, а оскорбившему один день не вкушать ничего, кроме хлеба и воды».

На вопрос: «Каким образом должно исправлять проступки согрешившего?» — святитель Василий Великий, не впадая крайности, отвечал: «Исправление должно производить по закону врачебной науки, не гневаясь на немощных, но борясь с болезнью, и действуя наперекор немощи, в случае нужды строгим обхождением врачую душевный недуг: например, тщеславие — предписанием упражнений в смиренномудрии, празднословие — молчанием, неумеренный сон — бодрствованием в молитвах, телесную недеятельность — трудами, неприличное вкушение — неядением, ропот — отлучением» и так далее. Такие епитимии соответствуют тактике борьбы со страстями: искоренять страсти с помощью противоположных им добродетелей.

Для рассудительного наставника, когда он налагает епитимии, первостепенное значение имеет то, чтобы епитимия соответствовала силам послушника. Ссылаясь на Устав преподобного Венедикта, отец Плакида (Дезей) в Уставе монастыря святого Антония Великого предписывает: «Отец монастыря, ненавидя пороки, да любит братий. В исправлении неисправных пусть действует со всем благоразумием, избегая чрезмерности, чтобы, когда станет очищать ржавчину с усиленным напряжением, не разломать самого сосуда. Помня о своей собственной немощи, пусть умудряется трости сокрушенной не доламывать. Этим не то внушается, чтобы он позволял свободно размножаться порокам, но то, чтобы благоразумно и с любовью отсекал их и смотрел, как всякого пользоваться, как сказано. Пусть со всем усердием так ведет дела, чтобы его более любили, чем боялись».

Схиархимандрит Гавриил (Бунге) пишет: «Лекарственные средства, которые прописывает врач душ, это, как правило, аскетические подвиги (подчеркиваю, что средства эти — скорее, аскеза, а не наказание): голод, жажда, бдение, уединение и молитва, с помощью которых очищаются и у врачевываются вожделевательная и раздражительная части души... Таким образом, духовный наставник есть в лучшем смысле этого слова педагог, воспитатель, порой весьма строгий для своих детей»¹¹.

Вот пример епитимии. В одном женском монастыре, после того как некоторые сестры не вышли на общие работы, игумения объявила всему сестринству, что она не наложит епитимьи сестрам, которые не вышли на общее послушание (у каждой была более или менее важная причина), но даст особое благословение всем тем, кто пришел: в течение двух недель причащаться на каждой литургии.

¹¹ Духовное отцовство. С. 36–37.

Хочется заметить, что вообще часто более плодотворными бывают такие врачевства, как **снисхождение**, доброта, юмор, личная беседа, чем чрезмерная строгость, которая скорее может сломать человека, чем исправить. Именно поэтому Феосемния, игуменья монастыря Хрисопиги, не давала епитимий своим сестрам, никогда не грозила ими, не обличала сестер и не ленилась наставлять каждую в личной беседе. Преподобный Иоанн Кассиан напоминает нам, как авва Пимен говорил: «Если какой-то брат совершил грех и не отрицает этого, но говорит: “я согрешил”, не порицай его, иначе ты поколеблешь его в намерении покаяться. Если, напротив, скажешь ему: “Не печалься, брат, но впредь будь внимателен”, то ты укрепишь его сердце в покаянии». Смирение, милосердие, терпение, кротость — вот принципы, которыми чаще всего руководствовались именитые духовные наставники.

Из жития и поучений преподобного Варсануфия Газского мы знаем также, что когда брат исповедовал ему свое согрешение, он не только молился за него, но и брал на себя его искушение, претерпевая тяжесть брани вместо него. Святитель Василий Великий советует проявлять терпение и милосердие к согрешившим: конечно, не замалчивать их ошибки, но в то же время терпеть непокорных с кротостью и врачевать их со всякой добротой и умеренностью.

Прочитую еще одно изречение, описывающее снисходительное поведение преподобного Пимена Великого: «Пришли некоторые старцы к авве Пимену и сказали ему: если мы увидим брата дремлющим в церкви, то велишь ли разбудить его, чтобы он не дремал на бдении? Он сказал им: что касается до меня, то я, если увижу брата моего дремлющим, — положу голову его на колени мои и успокою его».

В качестве заключения я хотел бы привести богословскую аналогию наиболее строгим формам духовного руководства, которые мы склонны применять, скорее, для того, чтобы принудить своих духовных детей к чему-либо, чем для того чтобы их наставить и вдохновить. Мне кажется, что авторитарная форма духовного руководства происходит от человеческого соблазна «мессианства» — то есть от желания достичь благой цели любыми средствами, даже жестокими. Этот соблазн был знаком уже ближайшим ученикам Христа. Вспомним, что ответил Спаситель апостолам Иакову и Иоанну, когда Он послал их в Самарянское селение, но там не приняли Его, и они предложили: «Господи! Хочешь, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их? Но Он, обратившись к ним, запретил им»¹².

Велик соблазн применить силу, чтобы заставить людей познать Христа! Этому искушению подверглись инквизиция, а также миссионеры,

¹² См. Лк. 9, 52–55.

стремившиеся к всеобщей христианизации, которая порой осуществлялась принудительно, поскольку была связана с колонизацией, для которой характерна политическая и духовная диктатура. Однако мы знаем, что Господь Иисус Христос был против любого насилия и принуждения. Мы видим, как всю Свою земную жизнь Он избегал того, чтобы показывать Свою власть и оказывал послушание всем, в первую очередь Своему Отцу, затем людям, «быв послушным даже до смерти». Вовсе не принуждением, а умалением Себя Христос спас мир, и если духовные наставники хотят действительно помочь своим духовным детям, им в любой ситуации следует подражать Христу. «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе, — говорит апостол Павел филиппийцам, — Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба... смирил Себя, быв послушным даже до смерти»¹³. Духовное отцовство — это подлинное умаление наставника, который отдает себя в послушание, не в том смысле, что он снисходит капризам и выходкам своих духовных детей, но в том смысле, что терпеливо несет их слабости, молясь за них Богу. Духовный отец участвует в отцовстве Божественном, именно поэтому ему присваивается имя «отец», которое в строгом смысле прилично одному только Богу. Духовный отец — это тот, кто ради своих детей испытывает муки рождения, до тех пор пока в них не изобразится Христос¹⁴.

¹³ См. Флп. 2, 5–8.

¹⁴ Ср. Гал. 4, 19.